

DOI 10.23859/1994-0637-2019-6-93-4
УДК 811.161.1'28

© Ганичева С. А., 2019

Ганичева Светлана Алексеевна
Кандидат филологических наук,
Вологодский многопрофильный лицей
(Вологда, Россия)
E-mail: sganicheva@mail.ru

Ganicheva Svetlana Alekseevna
PhD in Philology Sciences,
Vologda multidisciplinary lyceum
(Vologda, Russia)
E-mail: sganicheva@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОЙ
ОСНОВЕ В ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ВЫХОДЦЕВ ИЗ ДЕРЕВНИ**

**TO THE QUESTION OF A DIALECT
BASIS IN LINGUISTIC PERSONALITY
OF NATIVES FROM THE VILLAGE**

Аннотация. В статье рассматривается языковая личность уроженцев деревни, сформировавшихся в диалектной среде, но получивших профессиональное образование и большую часть жизни проводивших вне родных мест. Автор анализирует мемуарные тексты уроженцев деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области и приходит к выводу, что в этих речевых произведениях отражается ряд черт диалектной языковой личности: конкретность и прагматичность знаний о мире, реализация концептов, характерных для диалектной языковой личности, эмоциональность и оценочность.

Abstract. The article focuses on the language personality of the natives from the village, who formed in a dialect environment, but received professional education and spent most of their life outside their native places. The author analyzes memoirs of the natives from Borbushino, Kirillovsky district in Vologda region, and concludes that some features of the dialect linguistic personality are reflected in these texts: specificity and pragmatism of knowledge about the world, actualization of concepts that are peculiar to a dialect language personality, emotionality and evaluativity.

Ключевые слова: диалектология, гендерная лингвистика, русские говоры, диалектная языковая личность

Keywords: dialectology, gender linguistics, Russian dialects, dialectal language personality

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области)»).

Введение

Тезис о том, что в современной деревне постепенно нивелируются диалектные черты, давно стал общим для работ по диалектологии. Говоры претерпевают изменения, являющиеся иллюстрацией воздействия на языковую стихию внешних факторов (обязательное общее образование, средства массовой коммуникации, миграция населения в города и др.), результатом которых может быть как значительное влияние литературного языка на говоры, так и полное исчезновение некоторых диалектных систем. Хотя изучение аутентичных говоров в такой ситуации иногда ока-

зывается весьма затруднительным, интерес, с нашей точки зрения, представляет тот факт, что в этих условиях появляется материал для исследования проблем, связанных с языковой динамикой, например для изучения направления и характера языковых изменений под действием экстралингвистических факторов, направления и характера воздействия литературного языка на говор, степени устойчивости тех или иных диалектных особенностей.

В связи с этим перед диалектологами встают новые вопросы. В частности, они касаются когнитивного и лингвоперсонологического аспектов рассмотрения говоров. Как происходящее отражается в языковой картине мира современных носителей говора? Какие черты диалектной языковой картины мира и диалектной языковой личности являются наиболее устойчивыми, а какие трансформируются? В какой мере черты диалектной языковой личности сохраняют уроженцы деревни, получившие образование и покинувшие родные места?

Данная статья посвящена поиску ответа на последний вопрос. В ней рассматривается языковая личность уроженцев деревни, сформировавшихся в диалектной среде, но получивших профессиональное образование и большую часть жизни проводивших вне родных мест. Речь таких людей находится за пределами внимания традиционной диалектологии, однако, как нам представляется, анализируя соответствующий материал, можно определить, какие особенности, характерные для диалектной языковой личности, имеют наибольшую устойчивость.

Черты диалектной языковой личности изучались Е. Н. Иванцовой¹, В. Д. Лютиковой² и другими исследователями. Однако «переходный» случай – языковая личность, сформировавшаяся среди носителей говора, но испытывавшая значительное влияние иной языковой среды, – практически не изучен. На нижегородском материале работа в этом направлении выполнена М. В. Власковой, пришедшей к выводу, что в языковой личности бывшего сельского жителя на разных уровнях существует выраженный региональный компонент³. Кроме того, некоторые предварительные наблюдения были сделаны нами при изучении языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области⁴.

Данная статья продолжает эти наблюдения. Материалом для реконструкции языковой личности служат мемуарные тексты, написанные Николаем Павловичем Шабровым (1938 г. р.) и Ольгой Павловной Мышиной (Шабровой) (1940 г. р.), братом и сестрой, уроженцами деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Оба информанта выросли в среде носителей севернорусских белозерско-бежецких говоров. Н. П. Шабров получил профессиональное образование в Сасовском летном училище; став летчиком, работал в авиаотряде в г. Вологде, заочно получил высшее образование. О. П. Мышина работала учителем географии в школе

¹ Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск: [б. и.], 2002. – 395 с.

² Лютикова В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург: [б. и.], 2000. – 316 с.

³ Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. ... канд. филол. наук. – Арзамас: [б. и.], 2012. – 283 с.

⁴ Ганичева С. А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 60–64.

п. Октябрьский Вытегорского района Вологодской области, куда уехала, выйдя замуж; 15 лет была заместителем директора школы и 25 лет директором.

Архив Н. П. Шаброва создавался в 2013–2016 гг., он включает в себя 75 текстов примерным объемом 2 авторских листа; большая часть из них имеет авторское заглавие. Электронные версии, а также сканкопии этих документов опубликованы в сети Интернет¹. Тексты О. П. Мышиной написаны в 2018–2019 гг. и имеют совокупный объем около 0,8 авторского листа (количество текстов в данном случае не приводится, поскольку записи большей частью слабо структурированы).

В качестве теоретической базы исследования используется концепция языковой личности Ю. Н. Караулова. Следуя логике этой концепции, далее мы рассматриваем три уровня структуры языковой личности – лингвокогнитивный, прагматический и вербально-семантический², – которым ставим в соответствие черты диалектной языковой личности. Целью исследования является установление того, какие из этих черт и за счет каких языковых средств проявляются в анализируемых текстах.

Основная часть

Лингвокогнитивный уровень. Данный уровень структуры языковой личности включает в себе знания о мире: понятия, образы, концепты, модели поведения и др. Соотнося с концепцией Ю. Н. Караулова выделенные исследователями черты диалектной языковой личности, можно говорить о конкретности и прагматичности этих знаний, а также об особой значимости концепта «Труд».

Обратимся к мемуарным текстам, созданным уроженцами д. Борбушино. Строевание лингвокогнитивного уровня находит выражение в тематике этих речевых произведений, в выборе ситуаций, которые авторы сочли достойными изображения, в приводимых деталях.

В текстах Н. П. Шаброва ключевыми являются темы труда, деревенского детства, родины и семьи. В меньшей степени раскрываются темы любви, природы, здоровья и болезни, судьбы, войны и некоторые другие. Тематика текстов О. П. Мышиной схожа, однако характеризуется иной расстановкой смысловых акцентов. Ключевыми в текстах Ольги Павловны являются темы деревенского детства, труда, семьи и природы. Менее выражены темы дружбы, любви, родины, здоровья и болезни, войны и др. Несколько фрагментов посвящены гаданиям и вещим снам.

Безусловно, тематическое распределение анализируемых текстов условно, поскольку в некоторых случаях темы переплетаются друг с другом:

Мама работала в нач. школе зимой, а в летнее время работала в колхозе, не до нас с братом «глаза глядели». Семья была большая, 7 человек. Не было времени заниматься с детьми. Мне сшили тряпошную куклу, садили под стол, а он у нас большой был, давали тряпки, корку хлеба. Обкладывали ножки стола, чтобы я никуда не уползала. Летом привозили детей старшие папины сестры тетя Лиди и тетя Нора. Дедушка работал, на ферме, много знал от скота заговоров, болел, умер в 1945 г., когда у нас окончилась война. Он узнал, что война закончилась, сын и я-

¹ Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района. – URL: <https://iif.vogu35.ru/dict/index.htm> (дата обращения: 13.11.2019).

² Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: URSS, 2007. – 264 с.

тевья – двое – живы. «Теперь, – сказал, – можно и умирать» (темы детства, семьи, труда, войны; фрагмент из текста О. П. Мышиной).

По тематике текстов видно, что они в той или иной мере репрезентируют такие общекультурные концепты, как «Труд», «Детство», «Семья», «Родина», «Судьба», «Здоровье / болезнь». Показательно следующее: сходный набор концептов обычно выявляется при изучении диалектной языковой личности¹, это говорит о сохранении информантами основных смысловых составляющих лингвокогнитивного уровня, характерных для языковой личности носителей говоров.

Интересно, что при сходном наборе концептов их содержание и значимость для информантов различны. Проиллюстрируем это на примере концепта «Труд», большую роль которого для диалектной языковой личности неоднократно отмечали исследователи.

Анализ тематики текстов, написанных Н. П. Шабровым, свидетельствует о том, что индивидуально-личностное ядро концепта «Труд» составляют смыслы, связанные с профессиональной деятельностью. Обращает на себя внимание то, насколько подробно и разносторонне автор освещает данную деятельность. В текстах Николая Павловича содержатся воспоминания о подготовке к ней (занятия в детском авиакружке, учеба в Сасовском летном училище, заочная учеба в Московском авиационном институте), о профессиональной деятельности на разных жизненных этапах (в том числе рассказы о забавных и о сложных ситуациях, возникавших в работе), о сослуживцах. В трех текстах записан авиационный фольклор («Курсантские байки», «Потеря ориентировки», «Телеграмма»).

На индивидуально-личностной периферии концепта «Труд» находятся смыслы, связанные с трудовой деятельностью в деревне. Так, в текстах Н. П. Шаброва упоминается работа в огороде, боронование, выпас коров, косьба, ловля рыбы, разведение пчел, сбор грибов, топка бани и др. Количество соответствующих текстов значительно меньше тех, которые посвящены профессиональной деятельности. Изображаемое в них относится как к детству автора, так и к более поздним годам (Николай Павлович в течение всей жизни регулярно приезжал и приезжает в родную деревню). В одном фрагменте отсутствует конкретная привязка ко времени:

Умел косить, сажать картофель, морковь, свеклу, горох, капусту – всё, всё делать то, что выращивают в колхозном огороде на всех и в собственном участке – на семью. Делал и парники для огурцов, как и все жители деревни. Мог управляться с лошадьми, боронить под посеvy зерновых и после засеянное заборанивать, чтоб не клевали зерно птицы. Знал, какие грибы съедобны, как их отваривать и зачем (текст «Мои года – мое богатство», посвященный осмыслению прожитой жизни).

¹ Драчева Ю. Н. Нина Арсентьевна Исакова // Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – С. 118–145; Зубова Н. Н. Шилова Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность // Андреева Е. П., Зорина Л. Ю., Драчева Ю. Н., Громыко С. А. и др. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: Легия, 2015. – С. 112–130; Ильина Е. Н. Анна Алексеевна Шаброва // Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – С. 75–98.

Стоит заметить, что в текстах Н. П. Шаброва концепт «Труд» является ключевым: с ним связаны практически все прочие концепты. Так, например, связь с концептом «Любовь» проявляется в воспоминаниях о том, как встречали своих будущих жен коллеги-летчики, о том, как сам Николай Павлович во время командировки в Белозерск влюбился в девушку Нину. Интересно также, что концепт «Семья» связан не только с «деревенской» составляющей концепта «Труд», но и с профессиональной, о чем, в частности, свидетельствует текст «Чистый Дор»:

<...> В июне 1962 года как-то я позвонил матери в деревню, что завтра полечу в Кириллов и Чарозеро. А она говорит: «Мне завтра в Кириллов с отчетом. Там на аэродроме я тебя увижу и принесу пирог».

И вот, прилетаю я в Кириллов и вижу, что мать стоит на аэродроме. <...> Второй, Толя Шокель, сдал почти начальнику аэропорта и подошел к нам с матерью. Я говорю: «Ну, нам пора в Чарозеро». А Толя говорит: «Давай возьмем в Чарозеро Анну Алексеевну, обратно мы снова прилетим в Кириллов».

Вроде мать согласилась. <...> Мать не стала садиться на сиденье, а встала в кабине. Сказала: «Я посмотрю, где начинала работать после Уломской школы, где начинала учиться в Белозерском педучилище». Говорю: «Вот ты все говорила про Чистый Дор, так вот он». Было видно из самолёта людей и окрестности деревни. Сказала: «Вот я и побывала, где прошли мои первые годы работы». Обратно снова мы сели в Кириллове. Мать и больше всего благодарила Толю Шокеля. И я был рад!

Индивидуально-личностным ядром концепта «Труд» в текстах О. П. Мышиной являются смыслы, связанные с деревенскими работами, круг которых несколько отличается от того, что мы видели у ее брата: косьба, пахота, работа на тракторе, обработка льна, выпас скота, доение коров, приготовление пищи, починка одежды и обуви, изготовление половиков, дубление кож, заготовка дров, сбор грибов и ягод. Это различие, по всей видимости, объясняется гендерной принадлежностью авторов. Есть и другое явно выраженное расхождение: концепт «Труд» в текстах Ольги Павловны тесно связан с концептом «Детство», очевидно, играющим для автора более значимую роль:

А на каникулах мы все работали в колхозе. Лен мяли, сено таскали на скотный двор, метали и возили навоз, иногда доили коров. В школе на производственном обучении я получала специальность – тракторист ТДТ-4.

Изображаемое в текстах большей частью относится к детским годам автора. В одном из фрагментов приводится целый перечень работ, которыми приходилось заниматься девочке, с их кратким описанием:

Мне приходилось много работать. Жили мы бедно. Надо было зашивать вещи, одежду, обувь. Я была специалист в этих делах. <...> Со старых валенок вырезала ножом подошву, пристегивала дратвой к краям впереди, сзади, с боков. <...> Мама хорошо умела делать кожи. Т. к. жила в семье, где этим занимались у нее отец и братья. У бабушки Парасковьи были кресна, что ткнут половики. <...> Натягивали льняные нити на два типа палец, которые ногами можно было регулировать вверх и вниз – чередовать. В промежутки пропускала ленточку ткани, ногами отпущала

то одну, то другую створку, затягивала лоскутками и так ткала. Иногда делала узоры.

В текстах Ольги Павловны обращает на себя внимание также выраженная коннотативная составляющая концепта, слабо проявляющаяся в текстах Н. П. Шаброва. Деревенский труд в детские годы расценивается как тяжелый (как, впрочем, и деревенская жизнь в целом, в особенности после смерти отца) и вынужденный:

Нам отдыхать не давали летом; Помню, летом мы с братом заготавливали дрова. Очень жарко, комары, мошка, ужас какой-то; Мне приходилось много работать и др.

Профессиональная составляющая концепта «Труд» в текстах Ольги Павловны находится на периферии; фрагмент, связанный с ней, можно процитировать практически целиком:

Даже работая в школе директором, участвовала в стрелковых, лыжных соревнованиях в своей возрастной группе до 60 лет – в районе занимала I, II место. <...> После школы 10 кл. я работала пионервожатой в Волокославинском д/доме. <...> Пед. стаж 50 лет. Начинала работать старшей пионервожатой в д/доме с. Волокославино, потом учителем нач. классов. 15 лет была зам дир. средней школы и 25 лет директором Октябрьской ср. шк. Вытегорского р-на. Учитель географии. Руководила кружком краеведов <...>.

В целом же, при всех индивидуально-личностных различиях концепта «Труд», отраженных в текстах Н. П. Шаброва и О. П. Мышиной и, по-видимому, во многом обусловленных гендерными различиями, нельзя не заметить, что он играет в них существенную роль. Эта особенность, как уже отмечалось выше, характерна для диалектной языковой личности.

К другим чертам диалектной языковой личности, сохраняющимся и у выходцев из деревни, относятся конкретность и прагматичность знаний, составляющих лингвокогнитивный уровень. В текстах они находят отражение прежде всего в выборе ситуаций, становящихся объектом описания, а также в деталях.

Так, в большинстве случаев авторы изображают отдельные ситуации, произошедшие с ними, их родственниками, соседями, знакомыми, коллегами. Рассуждения на общие темы, этические, философские размышления практически не встречаются или представляют собой небольшие попутные замечания (за исключением текста Н. П. Шаброва «Мои года – мое богатство»):

Я люблю лес, никакого вреда я ему не причинила. Наоборот: вижу деревце – елка растет, на проезжей части растет, я ее пересажу подальше от дороги. Без необходимости не сломаю ветку дерева. Некоторые говорят, что мне грибы и ягоды сами в руки идут. <...> Раз ходили с мужем за грибами на Кенду. Он ушел от меня в сторону ближе к Онегу [далее рассказывается о нескольких случаях, когда О. П. Мышина чуть не столкнулась в лесу с медведями. – С. Г.]; И я подумал: «Вместе летали, но у кого какая судьба. Один ещё за штурвалом, а другой у диспетчерского микрофона. А братство едино. И нет превосходства, а есть бескорыстная дружба. В хорошем месте я работаю!» [в конце текста Н. П. Шаброва после рассказа о диалоге диспетчера с пилотом. – С. Г.].

Кроме того, конкретность лингвокогнитивного уровня проявляется в большом количестве деталей, упоминаемых в текстах: имена людей, географические названия, бытовые детали и т. д.:

Когда ходили в школу в Ферапонтово, то летом шли через д. Горы. Там было много родников на самой горе. Со стороны д. Леушикино вершина Цыпино была очень крутая. Было очень трудно на нее забраться, но мы забирались. Жил в этой деревне Горы старик Кирсан. Парни его задорили, он стучал палкой, ругался. Часто к нему в гости приезжал Рубцов [авторская приписка сверху над строкой: поэт. – С. Г.] из Вологды (О. П. Мышина); Вот когда я учился в Кирилловской средней школе в 8 классе, то иногда ходил в Дымково в гости к бабушке, и тётке Вале, и к Петру Ильичу, моему прадедушке. Вот придю. Рад, что свои, родные (Н. П. Шабров).

На синтаксическом уровне это проявляется в использовании уточняющих и вставных конструкций:

Потом позвонил мне (я всегда хожу с мобильным телефоном и говорю, по какому пути я пойду), приехать за мной или нет. Он приехал, встал на дороге (у обочины), ждет меня, пока я выйду из леса (О. П. Мышина); А в армии дедушка служил в Преображенском полку вместе с Кирькой (так его называл) Степановым (Н. П. Шабров) и др.

Встречаются также приписки к текстам:

Мама была в поле, и бабушка Маревьяна ей сказала, что он поет такие плохие песни, а сын учительницы (приписка на полях: Бабушка Маревьяна сказала: «Сын учительницы, а такие песни поет»); текст О. П. Мышиной); Прилетел вместе с техником, который будет обслуживать самолёт после прилётов и перед вылетом (приписка сверху: Саша Зибряков; текст Н. П. Шаброва).

Прагматичность знаний на лингвокогнитивном уровне проявляется как во внимании к бытовым деталям, так и в оценках тех или иных явлений, предметов, ситуаций с точки зрения практической пользы (вреда, опасности):

В школе нас кормили. Тетя Нора, уборщица, варила суп, там была картошка и капуста. Но он был горячий и очень вкусный. В школе было тепло (О. П. Мышина) и др.

В частности, затрагивая тему природы, информанты говорят преимущественно о том, что может представлять ту или иную опасность:

Нынче меня одолели осы. Слепили своё гнездо в погребке. А вот как теперь их выжить, думаю. Придётся применить проверенный способ. Закрою все отверстия, зажгу серную шашку и дня два оставлю взаперти. Не получится – приглашу спецов из СЭС (Н. П. Шабров); Ягоды есть, наклонилась собирать, и вдруг за болотом рывкнул медвежонок, ну, я оглянулась, нет никого, и ходом через болото побыстрее. А в этом месте в чащобе всегда живет медведица с медведжатами. Даже приходят в деревню в огороды за яблоками (О. П. Мышина); Ходить было трудно – в гору

Цытину, да лесом. По дороге весной р. Каменка разливалась, трудно перейти (О. П. Мышина).

В текстах иногда встречаются также советы читателю (у Н. П. Шаброва) и описание положительных последствий того или иного неблагоприятного случая (у О. П. Мышиной):

Коровье молоко для них – самая губительная еда! (текст Н. П. Шаброва о ежах); **Золотое правило:** «Знание человеком своей группы крови спасёт его жизнь!!!» (Н. П. Шабров); *Иногда я и Нина Кашина ходили за земляникой. <...> Однажды на одной из каменок было много земляники. Она, как всегда, кричит, что это ее ягоды, бросилась к ним, не видела, что там лежит большая толстая змея. Я ей закричала: «Нинка – змея!» Хорошо, что я вовремя закричала, Нина отдернула руку. С тех пор она больше так не жадничала* (О. П. Мышина); *Но с тех пор я не боюсь крапивы, легко с ней справляюсь, даже и резких нет пузырей от ожогов крапивы* (О. П. Мышина).

В целом можно говорить о том, что на лингвокогнитивном уровне информанты сохраняют некоторые черты, характерные для диалектной языковой личности.

Прагматический уровень. Данный уровень языковой личности включает в себе коммуникативные потребности, которые находят воплощение в целях речевой деятельности, ее мотивах и т. п.¹ Для диалектной языковой личности на этом уровне характерны эмоциональность, оценочность, стремление следовать традиционным коммуникативным ролям и речевому этикету.

Хотя исследование прагматического уровня требует изучения речевого поведения информанта в различных коммуникативных ситуациях, анализ письменных текстов тем не менее позволяет говорить о том, что ряд черт диалектной языковой личности в той или иной степени проявляется в исследуемых текстах.

В первую очередь обращает на себя внимание эмоциональность. В текстах О. П. Мышиной эмоции вербализуются явно, на лексическом уровне:

Я сильно переживала потерю отца; Родители не пускают, не перейти р. Каменку, а мы и довольны; Мы таких рассказов боялись. Даже, когда гадали, а большинство гадали у них, боялись идти домой; Мне нагадалось, что я выйду замуж за Павла Мышина. Я еще возмутилась: за Павла, да еще и с такой фамилией и др.

В ряде фрагментов находят отражение также эмоции, испытываемые другими людьми:

У дома был отвод – типа забора, но он двигался, можно закрыть и открыть. Он забирался на этот отвод и во весь голос пел песни с матюками. Он сиял весь. <...> Заплакал и сказал, что он больше не будет петь таких песен. И больше не пел; Когда объявили, что окончилась война, все в деревне, как сейчас помню, плакали, кто от радости, кто от горя, обнимали друг друга. Играла гармонь, плясали и др.

¹ Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск: [б. и.], 2002. – С. 211.

Тексты Н. П. Шаброва также отличаются эмоциональностью, однако она проявляется в основном за счет широкого использования восклицательных предложений:

Слили из бака! 6 литров!!! А где ещё 64 литра?!!! Вот!!! И дальше чеши репу?! При вылете заправка была полная! Может, увидели, что масло греется? Оттого и пошли напрямую? Обошлось, видимо, нас не увидели!!! и др.

При этом выражаемые эмоции, в отличие от текстов Ольги Павловны, не дифференцированы, и читатель может представить их лишь в общих чертах (положительные / отрицательные). На лексическом уровне эмоциональность текстов проявляется редко:

*Особенное **умиление** от реки у школьников в весеннее половодье! «А речку не перейти, так как нам быть?»; Остаётся Игорь Павлович один. Если возьмёт лошадь у попа, так **веселее** жить! и некоторые другие.*

Таким образом, тексты О. П. Мышиной тяготеют к эксплицитному и дифференцированному выражению эмоций, а тексты Н. П. Шаброва – к имплицитному и недифференцированному. По-видимому, эта разница, как и в случае с концептом «Труд», может быть обусловлена гендерными особенностями.

С эмоциональностью тесно связана оценочность. Характеризуя лингвокогнитивный уровень, мы уже говорили о том, что в текстах О. П. Мышиной и Н. П. Шаброва нередко даются оценки тех или иных предметов, явлений, ситуаций с точки зрения практической пользы (см. выше). Встречаются и другие оценки: эстетические, этические, психологические и др.:

*После смерти отца нам стало жить еще **хуже**. Дом, что он хотел отремонтировать, так и остался неудел: **холодный, неутепленный** пятистенник (О. П. Мышина); Когда-то был **успешный** колхоз. Теперь же только воспоминания. **Красивые** деревья стояли! И теперь живут только ежи и гадюки! (Н. П. Шабров); Председатель колхоза – Лебедева Александра Филипповна (Филиповна?). После объединения уже не работала. <...> **О ней знала вся страна! Жили хорошие, трудолюбивые** люди (Н. П. Шабров); Когда играть на гармошке некому, то я играла на гармошке плавовую. С непривычки уставали руки, получалось иногда и не очень, но все музыка (О. П. Мышина) и др.*

Оценочность может быть выражена и не на лексическом уровне, за счет композиции фактов (в основном в текстах Николая Павловича):

Была самостоятельным колхозом. Стоит на берегу озера. Красивое место! Да только на зиму остаётся один Иванов Игорь Павлович. Берёт в аренду лошадь у попа. Заготавливает дрова, строит дровни, розвальни, чунки, косяги и разное другое – скамейки, ворота; плотничает, обшивает дома. Только вот нынче будет ли в деревне жить? А дачников приезжает полная деревня. К зиме уезжают. Остаётся Игорь Павлович один [про деревню Плахино. – С. Г.].

В отличие от эмоциональности и оценочности, проявляющихся в письменных текстах, такие черты, как стремление следовать традиционным ролям и коммуникативному этикету, безусловно, лучше наблюдать в ситуации живого общения. Однако и в имеющемся материале обращает на себя внимание следующий факт: тексты

О. П. Мышиной и Н. П. Шаброва характеризуются выраженной гендерной спецификой. Выше уже говорилось о том, что различия в индивидуально-личностной организации концепта «Труд» и в реализации эмоциональности, с нашей точки зрения, имеют гендерную природу. Ряд таких различий можно продолжить, однако это уже является темой отдельной работы. Возможно, яркая выраженность «мужских» и «женских» особенностей речевого поведения в какой-то мере отражает традиционно имеющееся в сельском обществе существенное различие «мужского» и «женского» ролевого поведения в целом.

Вербально-семантический уровень. Речь диалектной языковой личности на данном уровне характеризуется диалектными лексическими, грамматическими и фонетическими чертами. В письменных текстах могут найти отражение преимущественно лексические и грамматические черты.

Говор д. Борбушино относится к числу межзональных белозерско-бежецких говоров севернорусского наречия. Он достаточно хорошо исследован в ходе экспедиций, проводившихся кафедрой русского языка Вологодского государственного (педагогического) университета (института) с 80-х гг. XX в. В речи жителей д. Борбушино исследователями отмечались произношение твердого долгого шипящего, отсутствие редукции гласного в возвратных постфиксах, архаичная форма глагола *дать* (*дасі*) и др.¹

В текстах, написанных Н. П. Шабровым и О. П. Мышиной, грамматические диалектные особенности практически не находят отражения: *зятевья*, *обрата* (вместо *обрат* – ‘обезжиренное молоко’) и др. Диалектная лексика представлена шире: *расспорить* (‘рассориться, разругаться’)², *вехоть* (‘тряпка для различных хозяйственных надобностей (мытья посуды, полов и т. д.)’)³, *зимовка* (‘небольшая утепленная изба или пристройка к дому, в которой жили зимой’)⁴, *валок* (‘ряд скошенной травы, лежащей вдоль прокоса’, ‘большая гряда сгребенного для просушивания сена’)⁵, *колоб* (‘остатки семян льна после выжимания из них масла’), *дратвина* (‘дратва’)⁶, *бедовать* (‘бедствовать, испытывать лишения, мучиться’)⁷, *каменка* (‘груда камней, собранных с паханого поля, покрытых дерном’)⁸, *нетель* (‘яловая корова’)⁹, *голубица* (‘голубика’)¹⁰ и др. Однако ее употребление ограничено тематически: большая часть диалектных слов встретила в текстах, посвященных детским годам. Интересно

¹ Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – 160 с.

² Словарь вологодских говоров. Вып. 8–12 / под редакцией Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Русь, 1999–2007. – Вып. 9. – С. 36.

³ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–7 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, Вологодский государственный педагогический университет; Русь, 1983–1997. – Вып. 1. – С. 66.

⁴ Там же. – Вып. 2. – С. 171.

⁵ Там же. – Вып. 1. – С. 55.

⁶ Там же. – Вып. 2. – С. 55.

⁷ Там же. – Вып. 1. – С. 27.

⁸ Там же. – Вып. 3. – С. 35.

⁹ Там же. – Вып. 5. – С. 105.

¹⁰ Там же. – Вып. 1. – С. 122.

также, что в текстах Н. П. Шаброва диалектная лексика значительно более разнообразна, чем в текстах его сестры. Это может быть обусловлено, в частности, профессией информантов: О. П. Мышина работала учителем, а этот вид деятельности предъявляет более жесткие требования к соблюдению норм литературного языка.

В целом же можно говорить о том, что черты диалектной языковой личности на вербально-семантическом уровне выражены весьма слабо.

Выводы

Таким образом, в речевом поведении выходцев из деревни сохраняется ряд черт диалектной языковой личности. Наиболее ярко они проявляются на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях, значительно менее выражено – на вербально-семантическом. В анализируемых текстах отражаются конкретность и прагматичность знаний о мире, реализация концептов, характерных для диалектной языковой личности, эмоциональность и оценочность. Выраженная гендерная специфика текстов, возможно, передает традиционно существующее в сельском обществе различие «мужского» и «женского» ролевого поведения в целом.

Литература

- Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. ... канд. филол. наук. – Арзамас: [б. и.], 2012. – 283 с.
- Ганичева С. А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 60–64.
- Драчева Ю. Н. Нина Арсентьевна Исакова // Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – С. 118–145.
- Зубова Н. Н. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность // Андреева Е. П., Зорина Л. Ю., Драчева Ю. Н., Громыко С. А. и др. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: Легия, 2015. – С. 112–130.
- Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск: [б. и.], 2002. – 395 с.
- Ильина Е. Н. Анна Алексеевна Шаброва // Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – С. 75–98.
- Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – 160 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: URSS, 2007. – 264 с.
- Лютикова В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург: [б. и.], 2000. – 316 с.
- Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района. – URL: <https://iif.vogu35.ru/dict/index.htm> (дата обращения: 13.11.2019).
- Словарь вологодских говоров. Вып. 1–7 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, Вологодский государственный педагогический университет; Русь, 1983–1997.
- Словарь вологодских говоров. Вып. 8–12 / под редакцией Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Русь, 1999–2007.

References

Vlaskova M. V. *Iazykovaia lichnost' byvshego sel'skogo zhitelia* [Linguistic personality a former villager: PhD thesis in philol. sci.]. Arzamas, 2012. 283 p.

Ganicheva S. A. Dialektnaia iazykovaia lichnost': k voprosu o transformatsii [Dialect language personality: the problem of the transformation]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2016, no. 5, pp. 60–64.

Dracheva Iu. N. Nina Arsent'evna Isakova [Nina A. Isakova]. *Il'ina E. N., Ganicheva S. A., Dracheva Iu. N., Mel'nikova N. G. Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: govory Kirillovskogo raiona Vologodskoi oblasti* [Folk speech of Vologda region: the dialects of Kirillov district in Vologda region]. Vologda: Legiia, 2014, pp. 118–145.

Zubova N. N. Shilovskaia Nina Dmitrievna kak dialektnaia iazykovaia lichnost' [Nina D. Shilovskaya as a dialect language personality]. *Andreeva E. P., Zorina L. Iu., Dracheva Iu. N., Gromyko S. A. i dr. Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: mezhdru proshlym i budushchim* [Folk speech of Vologda region: between Past and Future]. Vologda: Legiia, 2015, pp. 112–130.

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoi iazykovoi lichnosti* [The phenomenon of dialect linguistic personality: Dr. thesis in philol. sci.]. Tomsk, 2002. 395 p.

Il'ina E. N. Anna Alekseevna Shabrova [Anna A. Shabrova]. *Il'ina E. N., Ganicheva S. A., Dracheva Iu. N., Mel'nikova N. G. Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: govory Kirillovskogo raiona Vologodskoi oblasti* [Folk speech of Vologda region: the dialects of Kirillov district in Vologda region]. Vologda: Legiia, 2014, pp. 75–98.

Il'ina E. N., Ganicheva S. A., Dracheva Iu. N., Mel'nikova N. G. *Nardnaia rech' Vologodskogo kraia: govory Kirillovskogo raiona Vologodskoi oblasti* [Folk speech of Vologda region: the dialects of Kirillovsky district in Vologda region]. Vologda: Legiia, 2014. 160 p.

Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: URSS, 2007. 264 p.

Liutikova V. D. *Iazykovaia lichnost': idiolekt i dialekt* [Linguistic personality: idiolect and dialect: Dr. thesis in philol. sci.]. Ekaterinburg, 2000. 316 p.

Materialy k slovari iazykovoi lichnosti urozhentsa Kirillovskogo raiona [Materials for the dictionary of the linguistic personality of the Kirillovsky district native]. Available at: <https://iif.vogu35.ru/dict/index.htm> (accessed: 13.11.2019).

Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–7 [Dictionary of Vologda dialects. Vol. 1–7; ed. by T. G. Panikarovskaya]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet; Rus', 1983–1997.

Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 8–12 [Dictionary of Vologda dialects. Vol. 8–12; ed. by L. Iu. Zorina, T. G. Panikarovskaya]. Vologda: Rus', 1999–2007.

Для цитирования: Ганичева С. А. К вопросу о диалектной основе в языковой личности выходцев из деревни // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 6 (93). – С. 43–54. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-4

For citation: Ganicheva S. A. To the question of a dialect basis in linguistic personality of natives from the village. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 6 (93), pp. 43–54. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-4